

Зыков Дмитрий Валерьевич

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье предпринимается попытка на основе философии логического атомизма сформулировать идею универсальной схемы юридической реальности, включающей в себя три элемента: отношение – норма – мышление, претендующей на всеобщее значение, онтологический, объективный, статус. Данные элементы соотносятся между собой как эмпирический объект и смысловая предпосылка, упорядоченные конструктивным мышлением юриста в комплексное (сложное) явление – юридический факт.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 63-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. **Положение о рабочих факультетах** [Электронный ресурс]: Декрет СНК СФСР от 18 февраля 1924 года. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1954.htm (дата обращения: 25.04.2013).
13. **Стецура Ю. А.** Общественные организации и образовательная политика на юге России в XIX – начале XX века: история, проблемы, перспективы развития // Материалы межрегиональной научно-практической конференции (27-28 октября 2011 г.). М.: Альфа-принт, 2011. С. 11-16.
14. **Суворов С. Б.** Политические системы и образовательная политика в современном мире / под ред. В. М. Долгова. Саратов: Изд-во Сарат. университета, 1999. 134 с.
15. **Устав единой трудовой школы** [Электронный ресурс]: Декрет СНК СФСР от 18 декабря 1923 года. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1900.htm (дата обращения: 25.04.2013).

EDUCATIONAL POLICY LEGAL SUPPORT FEATURES IN RUSSIA DURING POST-REVOLUTIONARY PERIOD

Zul'fugarzade Teimur El'darovich, Ph. D. in Law, Associate Professor

Aponitskii Sergei Vladimirovich

Russian Economic University named after G. V. Plekhanov

teymur@yandex.ru; oper9000@yandex.ru

The authors reveal some historical aspects of legal foundations formation in the government regulation of educational process, study the role of government in education system and political-legal instruments influencing social relations in the sphere of education, consider the notions of educational policy, the legal regulation of education, as well as define the role of education in historical aspect, analyze legal documents and other sources covering the post-revolutionary period, and summarize the accumulated experience of education legal support.

Key words and phrases: law; support; regulation; state; policy; education; activity; jurisdiction; historical aspect; Russia.

УДК 340.114.5

Юридические науки

В статье предпринимается попытка на основе философии логического атомизма сформулировать идею универсальной схемы юридической реальности, включающей в себя три элемента: отношение – норма – мышление, претендующей на всеобщее значение, онтологический, объективный, статус. Данные элементы соотносятся между собой как эмпирический объект и смысловая предпосылка, упорядоченные конструктивным мышлением юриста в комплексное (сложное) явление – юридический факт.

Ключевые слова и фразы: предмет познания юриста; конституенты юридической реальности; юридический факт как комплексное явление; общественное отношение как эмпирический объект; норма как априорная смысловая предпосылка отношения; мышление юриста как конституента юридической реальности.

Зыков Дмитрий Валерьевич

Волгоградский государственный университет

Zyk9@yandex.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ[©]

Что отличает юриста от не юриста? Можно ли составить понятие юридической профессии как некой универсалии, указующей на «общую природу явления», которой будет все то, что обще многим конкретностям специализации и культурным различиям правовых систем? Этот вопрос имеет давнюю историю, однако не утратил своей актуальности и сегодня. Уже Р. Иеринг подметил разницу между профаном и юристом в собственном методе мышления последнего, который приобретает посредством образования и сильно отличается от обыденного способа суждения. «Юридическое образование выходит далеко за пределы какого-нибудь отдельного местного права, в нем встречаются, как на нейтральной, международной почве, юристы всех мест и наречий. Предметы их познаний, учреждения и права отдельных стран различны, но способ рассматривать их и понимать одинаков: настоящие юристы всех стран и всех времен говорят одним и тем же языком», – утверждал он [4, с. 9-10]. Этот язык и способ мышления Иеринг, следуя традиции римского права, назвал юридической техникой. В качестве технических операций юридического мышления он выделил три главных способа действия: анализ, концентрация (классификация) и конструкция. Взгляд основателя конструктивной юриспруденции можно квалифицировать под рубрикой «чистой» гносеологии как методологический, а также надо заметить, что это воззрение после длительного забвения постепенно восстановило свои позиции (и сегодня считается официальной доктриной), обретая все больше сторонников среди современных исследователей. Так, М. Л. Давыдова пишет: «...признаки, характерные для любой юридической специальности и претендующие на роль некоего системного качества профессии юриста, все-таки существуют.

[©] Зыков Д. В., 2013

По нашему мнению, их два. Первым и наиболее значимым является наличие *профессионального юридического мышления*. Как представляется, роль юридического образования заключается, в первую очередь, не в передаче определенного количества информации, воспринимаемой субъектом, а в формировании у него особого способа восприятия этой информации». «Кроме внутреннего основания принадлежности к профессии, необходимо и внешнее основание – владение практическими приемами и способами профессиональной деятельности – *юридической техникой*» [2, с. 6, 8].

Вместе с тем в истории науки права имеются и противоположные взгляды, которые можно объединить под рубрикой «чистой» онтологии как позитивистские.

Пример категорического отрицания наличия специфически юридического мышления, несмотря на признание юридической техники проявлением юридического мышления, мы находим, например, у Н. М. Коркунова, который полагал, что его своеобразие связано лишь с характером собственно юридического материала. Он по этому поводу писал: «...так как формы и условия человеческого мышления всегда одни и те же, на какой бы предмет ни было обращено мышление, то едва ли мышление о предмете каждой отдельной науки может составить само по себе предмет еще новой самостоятельной науки. Теория познания по необходимости едина, так как она должна выяснить основы и условия человеческого знания» [6, с. 43]. В другом месте он подвергает критике учение Р. Иеринга: «Все эти приемы: анализ, конструкция и классификация, суть общие приемы научного исследования, отнюдь не составляющие исключительной принадлежности только науки права. Но это не сознается нередко и самими юристами, по крайней мере, в отношении к анализу и, в особенности, в отношении к конструкции... Напротив, мы имеем тут дело лишь с частным применением общих научных приемов обобщения» [Там же, с. 422]. В качестве отправной точки опоры юридического познания Н. М. Коркунов считал правоотношения, т.е. нечто реальное, не акцентируя внимания на ментальных характеристиках. По этому поводу он высказывался так: «Только изучение юридических отношений, а не толкование отдельных законодательных постановлений дает обобщенное и систематическое знание права, знание научное» [Там же, с. 421].

Можно сказать, оригинальную позицию занимал основатель теории нормативизма Г. Кельзен, утверждавший, что «...предметом правоведения являются правовые нормы, а человеческое поведение – лишь постольку, поскольку оно определяется в правовых нормах как условие или последствие, иначе говоря, поскольку оно представляет собой содержание правовых норм» [12, с. 99]. Под нормой же автор понимал смысл акта, конституирующего всякое отношение как юридическое.

В известном смысле (несмотря на описательное преимущество точки зрения Иеринга) все три вышеизложенных воззрения можно свести к онтологической проблематике юриспруденции в широком смысле. Ведь и онтологию можно понимать как следствие формально-логической теории. Выявление структуры мысли задает структуру того, на что мышление направлено, и в этом смысле логика приобретает всеобщее (трансцендентальное) значение и мысленное содержание. Итак, возникает фундаментальный вопрос, что считать познавательной (предметной) реальностью юриста: нормы, отношения или собственное мышление? Каждая теория претендует на истину, утверждает монистическую онтологию и не приемлет противоположного мнения. Первая строит познавательную ситуацию без объекта, вторая и третья – без субъекта. Аргументы «за» и «против» найдутся у защитников каждого направления, однако как выйти из этого лабиринта, преодолев хождение по кругу?

Методологический подход подкупает своей прагматичностью, нацеленностью на действенность и очевидностью исходных посылок. Его следует придерживаться как исходной аксиомы. Ведь, в самом деле, в любом ремесле можно обнаружить самоочевидные истины, внешнюю и внутреннюю стороны: то, что видимо, поскольку нечто происходит и делается прямо на наших глазах, посредством определенной последовательности действий (техника), и то, что не видимо, поскольку происходящее делается исходя из определенного знания и навыка (мышление). И юрист в этом смысле не исключение. Однако, отвечая на вопрос, как нечто делается, он фактически обходит молчанием вопросы, что делается (происходит) и с кем (чем) это делается. Быть может, редуцирование всякого процесса к технологическому моменту оправдывается наглядной убедительностью того, как он работает, однако без указания объекта приложения метода или того «места», обстоятельства, условия, при которых он только и может действовать, лишает нас возможности констатировать эмпирическую наличность реального явления, оставляя его за рамками пространства фактов. Мы хотим сказать, что без указания четких *границ применимости* конкретного метода его, оказывается, сложно отличить от любого другого, ведь метод и специальное мышление есть у представителя любой профессии, даже у каменщика или ткача. Поэтому методологический подход нуждается в дальнейших уточнениях и дополнениях своего содержания, а не только формы. Отсюда следует, что линия развития методологии должна, в первую очередь, вестись по пути прояснения своего предмета, т.е. границ применимости. Совершенно правильно считать юридическое мышление и юридическую технику универсальными основаниями профессии, однако как локализовать и конкретизировать эти процессы применительно к юриспруденции и возможно ли это? На наш взгляд, это возможно, если двигаться по пути определения того, что мыслится юристом.

Вместе с тем здесь возникает ряд трудностей не только теоретического характера. Нельзя сказать, что юристу «процесс, которым обретает существование малейшая былинка... совершенно неведом и чужд» [1, с. 39], однако сделать наглядным предмет его познания и делания действительно оказывается занятием не простым. Поэтому, чтобы отразить сильный аргумент Н. М. Коркунова о несуществовании юридического мышления как явления *sui generis* (который современная наука права преодолела только конвенционально, но не по существу), необходимо обратиться к онтологии права с вопросом о том, что является юридической реальностью или что является юридическим фактом? Настоящая задача может некоторым показаться безнадежной после крушения программы логического позитивизма, последнего оплота идеала объективной рациональности

в истории науки. Однако кризис онтологии вовсе не свидетельствует о ее полной фальсификации и потере кредита доверия только на том основании, что все вдруг осознали идею о влиянии субъекта на объект и невозможности получения полностью очищенного от субъективных, культурных примесей любого, в том числе естественно-научного, знания. По нашему мнению, здесь, скорее, требуется иное видение, построенное на более широких обобщениях и при учете осознания изменения роли и положения познающего наблюдателя с пассивной, когда *Я* ассимилировалось к миру, на активную установку, когда мир ассимилируется к *Я*. Прежде чем идти дальше, необходимо обратиться к предыстории вопроса о юридической реальности.

Наиболее выпукло и систематически он был поставлен в 60-е годы, когда в советской науке всерьез заговорили о том, существуют ли правоотношения. В духе представлений дореволюционной и западной юриспруденции о праве как сфере должного, отличного от сферы бытия и противопоставленного последнему, проблема решалась в пользу первичности нормы, на основе которой складывались правоотношения [5, с. 10]. Бытие права принадлежит к сфере должного, но не сущего, а значит, следуя кантовскому априоризму, не выводится из сущего. Кроме того, защитники этого направления исходили из принципиальной разницы между законами природы и юридическими законами, делая отсюда далеко идущие выводы. Закон природы гласит: «Если металлическое тело нагреть, оно расширится», т.е. если есть А, то есть (будет) В. Закон общества говорит: «Если совершено преступление, то виновник должен быть наказан», т.е. если есть А, то *должно быть* В. И хотя ради справедливости следует указать на понимание сторонниками этой позиции, что условием действительности всякой нормы является ее действенность (правильность), т.е. вероятность соответствия реальности, которая стремится к достоверности, все же данная теория не выдержала давления критики социологического направления. В самом деле, ведь максима «Я должен» очень часто выводится из максимы «Я хочу» и обуславливается последней, в противном случае мы вынуждены были бы приписать магические свойства закону в управлении социальными процессами, что является недопустимым упрощением. И хотя «Я должен» также часто обуславливает «Я хочу», это вовсе не означает обоснованность ограничения сферы права бытием должного. Сущее и должное в жизни перекликаются, взаимозаменяют друг друга, вплоть до полного неразличения. Кроме того, фокусируя внимание на долженствующем быть как специфической черте правового регулирования, авторы концепции не указывают четкого критерия действенности правовых норм в отношении человеческого поведения, что приводит к фактическому низведению до рудимента реального процесса правоприменения. Между тем таковым объективным коррелятом является само сущее, т.е. общественные отношения. Аргумент, что «есть» не может предполагать «должно быть», уже давно стал избитой фразой, поскольку оба являются модусами бытия и не бывают всегда разделены так, как это казалось.

Социологическое направление зародилось уже во времена юриспруденции интересов (Р. Иеринг, Н. М. Коркунов, Ф. Хек) и американского правового реализма (О. Холмс). Суть позиции можно выразить широко известной дефиницией судьи О. Холмса: «Предсказание того, что будут делать суды фактически, и ничего более, – вот что я называю правом» [10, с. 32]. Здесь, наоборот, акцентируется внимание на сущем и утверждается первичность общественных отношений. Фактически же постулируется существование правоотношений самих по себе вне всякой связи с официальной нормой. Только пройдя через реализацию в контексте конкретной проблемной ситуации, норма становится действующей, а значит, правовой, до этого оставаясь «правом на бумаге». Однако эта концепция не лишена внутренней противоречивости, поскольку право здесь становится средством предсказания, а не средством предписания, роль законодателя здесь явно нивелируется по сравнению с ролью правоприменителя, что вступает в явный конфликт с реальным положением дел.

Вопрос о том, существуют ли правоотношения, в своем классическом виде является философским и восходит к великому спору философских направлений сенсуализма (эмпиризма) и интуитивизма (интеллектуализма) Нового времени и потому может быть выражен в тех же терминах. (В самом деле, легко представить сторонников социологического подхода эмпиристами, а представителей нормативизма – интеллектуалистами). Первые утверждали, что все наше знание выводится из опыта; вторые доказывали, что помимо опытных данных мы обладаем в дополнение к тому «врожденными идеями» или «врожденными принципами», которые присутствуют в нас независимо от опыта. Дальнейшее развитие философской мысли привело к следующему разрешению. Эмпиристы ошибались, а интуитивисты оказались правы в том, что мы обладаем логическими принципами, известными нам и сами по себе не могущими быть доказанными опытным путем, так как всякое доказательство предполагает эти принципы. Например, закон тождества, противоречия, исключенного третьего, принцип индукции (причинности), этические нормы. При этом принимается во внимание, что даже та часть нашего знания, которая логически независима от опыта и «предшествует» ему, все же генетически или хронологически происходит из опыта и обусловлена последним. Это послужило причиной замены термина «врожденный» термином «априорный» как более адекватным, дабы избежать абсурдного допущения, что ребенок рождается с предзаданным знанием. «Принципы эти незаметны по той причине, что они слишком очевидны, – лежащие в их основе послышки принимаются без осознания того, что они суть лишь послышки» [9, с. 70]. Таким образом, не возражая против того, что все знание происходит из опыта и опосредовано им, мы все-таки обладаем некоторым логическим знанием в априорном смысле, без которого само понятие опыта теряет всякую определенность. Отсюда следует, что наряду с эмпирическим знанием существует знание логическое или априорное.

В другом вопросе, являющемся предметом философского спора, оказались правы эмпиристы, а интуитивисты ошибались. Последние считали, что истинные знания о вещах можно дедуцировать буквально из головы, иными словами, доказать существование чего-либо мысленно; они верили, что если нечто *должно* существовать, исходя из общих умозрительных содержаний, то оно существует в действительности. Это была их

ошибка. Дело в том, что все априорное знание относительно реальности тех или иных вещей, явлений, процессов выглядит гипотетическим, оно может быть оправданно, а может быть необоснованно, оно лишь утверждает, что если существует А, то В *должно* существовать, но это не обязательно так и будет. Мы можем узнать, что нечто существует либо непосредственно из эмпирического опыта, что будет полной достоверностью, либо если это нечто не дано непосредственно, то мы можем узнать об этом гипотетически, опять же отталкиваясь от элементарного эмпирического базиса и возвращаясь к нему же для верификации, но результат будет только вероятностным знанием. «Таким образом, все знание, которое утверждает существование, является эмпирическим, и только априорное знание, касающееся существования, является гипотетическим, имеет дело со связями между вещами, которые могут существовать, а могут не существовать. Но это знание не утверждает действительного существования» [Там же, с. 73]. В окружающем мире знание эмпирическое и априорное теснейшим образом взаимодействуют и проявляются как взаимозависимые, коррелирующие знания.

Для наших целей этот экскурс имеет принципиальное значение эпистемологического ориентира. Наиболее очевидный вывод заключается уже в том, что здесь мы обнаруживаем правоту социологов правоведения в том, что общественные отношения действительно являются надежным и достоверным предметом познания, поскольку их можно представить как эмпирический объект, т.е. нечто существующее достоверно. Норма же как предмет познания не является вполне действительностью, поскольку изначально ее происхождение из идеального мысленного источника. И хотя она и получает позитивацию в виде письменного текста, она несет на себе характеристику гипотетико-дедуктивного происхождения. Если она «не действует», не используется, не осуществляется в фактическом отношении в силу ее явного или неявного несоответствия положению дел, то остается гипотетической, и едва ли ее можно назвать вообще существующей, даже если о ней знает сам юрист. Однако она существует гипотетически до ее нахождения юристом как предпосылка всякого отношения, подпадающего под действие права, и, так или иначе, выступает предметом мышления юриста в связи с ее применением к какому-либо социальному взаимодействию, т.е. как априорная смысловая форма этого отношения, зависящая в своей реальности от последнего, но конституирующая его.

Признав общественные отношения, протекающие в каркасе априорных нормативных установлений, предметом мышления юриста в первую очередь, а нормы как гипотетические образования, могущие осуществиться, а могущие не осуществиться, – во вторую очередь, мы сталкиваемся со следующим вопросом: что это за общественные отношения, какова их природа? Просто постулировать предметом юридические отношения – еще не значит сказать о них конкретно. Ведь право настолько универсально, что как регулятив встречается практически во всех сферах общественной жизни, вне зависимости от расслоения ее по какому-либо признаку, будь то имущественный, профессиональный, партийный, религиозный, семейный, территориальный, расовый, половой и т.д. Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что право как институциональное образование находит свое присутствие и осуществление практически во всех областях жизнедеятельности человека в том или ином виде и пропорции, регулируя вопросы веры и собственности, дискриминации и эмансипации, брака и семьи, профессии и политической ориентации, преступления и наказания и т.д. Означает ли это, что любое общественное отношение может быть юридическим? Мнения ученых по этому поводу разделились. Этактический позитивизм утвердительно отвечал на этот вопрос, и история тому дает немало подтверждений. Однако подобный вывод фактически отрицает существование правоотношения, а не утверждает его как специфическое явление, поскольку «регулирование не изменяет характера отношений, т.е. они остаются либо экономическими, либо политическими, либо духовными». Поэтому «в предметном содержании возникающего отношения нет какого-либо самостоятельного правового элемента», «не существует правовых в собственном смысле отношений, а есть лишь правовая способ регулирования общественных отношений» [11, с. 30, 44, 93, 101-102]. Социологи, напротив, определяют «правовое отношение как особенное свойство самих общественных отношений» [3, с. 4-5]. Причем эту специфическую правовую форму и специфическое правовое содержание общественного отношения рассматривают либо как процесс обмена социальными благами [8, с. 73, 75, 85, 113-116], либо как тип социальной связи, образующейся на базе свободы и формального равенства всех участников правового общения [7, с. 19-30].

По нашему мнению, и первая, и вторая точка зрения грешат односторонней отвлеченностью, тщетно пытаясь, абстрагируя и эксплуатируя лишь одно измерение явления, составить онтологию права и представить структуру юридического факта. Всякое общественное отношение хоть и обладает эмпирическим статусом проявленности, поскольку «существует», все же не существует логически подобно всякому человеческому опыту без ненаблюдаемого априорного элемента, а именно *идеи или смысла* этого отношения, вкладываемого в него человеком, т.е. не существует буквально без собственной логики. Опыт не существует без логической трансцендентальной предпосылки как условия или как формы, превращающей хаос чувственных данных в осмысленный космос представлений и понятий. Этой идеей или смыслом является норма как формальный носитель определенного содержания. Социальный индивид вступает в какое-либо отношение, обнаруживая, что оно есть задолго до того, как он решил выступить его участником, и его роль фактически сводится к его воспроизведению. «Поэтому идеи наши, будучи по отношению к целому человечеству опытного происхождения, по отношению к отдельным личностям могут быть и врожденными, унаследованными нами от предков», – правильно замечал Н. М. Коркунов [6, с. 261].

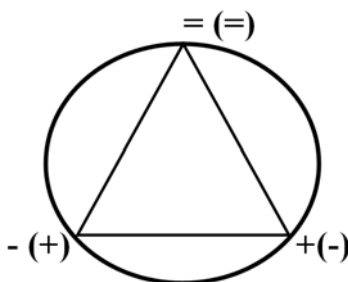
Отличие нашей точки зрения от просто позитивистской или социологической заключается в том, что мы показываем взаимозависимость нормы и отношения и необоснованность их разделения как понятий даже в абстракции. Однако, найдя два элемента явления, выступающие его измерениями, – норму (априорная идея, смысл) и отношение (фактический опыт), – мы все еще не можем констатировать юридического факта.

Две силы не могут создать факт, нужна третья сила или, как утверждал разработчик философии логического атомизма и абсолютного плюрализма Б. Рассел: «под “фактом” я подразумеваю нечто комплексное», «сказать, что факты комплексны, то же самое, что сказать, что факты имеют конститuentы» [9, с. 224]. Он подходил к рассмотрению факта логически, но, как показывает дальнейшее развитие философии, иначе невозможно. Под конститuentами понимается сложное единство, состоящее из предметов, свойств и отношений, и формы. «Предложение “Дездемона любит Кассио” представляет собой комплекс $[a, b, R, xRy]$, где “a” соответствует Дездемоне, “b” – Кассио, “R” – отношению любить, “xRy” – логической форме, упорядочивающей элементы отношения» [Там же, с. 15]. Таким образом, для Рассела факт – это комплекс элементов плюс порядок.

Можно сказать, что, отнеся социальную связь (замена термина «общественное отношение», чтобы избежать тавтологии) к предмету, норму – к свойству этого предмета, диалектику между ними – к отношению, мы получили некий комплекс или сложное единство. Но что будет той логической формой, упорядочивающей этот комплекс конститuent реальности, вдыхающей в него движение, жизнь? Иными словами, что будет третьей силой, без которой мы не можем получить описание реального, т.е. воспринимаемого феномена, а не теоретического? И главное, где находит свое место логическая форма, где формируется и создается идея или смысл какой-либо социальной связи как правоотношения и затем поддерживается всей логикой юридической техники? Очевидно, что этой конститuentой является *мышление юриста*, которое устанавливает посредством *акта суждения* само отношение между двумя терминами, ставит в определенный порядок значение и означаемое. Оно порождает априорную по своему происхождению норму, абстрагируя ее из опыта социальных взаимодействий с целью «спустить» затем выделенную идеальную модель поведения в само содержание общественной жизни. Два термина в этом порядке объединяются отношением в некий комплекс элементов, неперменной конститuentой которого является ум юриста, продуцирующий логическую форму в виде правовых высказываний и суждений. Таким образом, допустив существование ненаблюдаемого элемента в «схеме» реальности в виде мышления, которое невозможно элиминировать из этой триады, мы получаем эту самую реальность. Мышление юриста играет роль невидимого связующего звена в цепочке фактического, а не теоретического правоотношения, превращая последнее из социального взаимодействия в самого себя. Только через посредство и преломление через призму мышления конкретного юриста, представляющего собой понятийно-технический аппарат, правоотношение становится существующим, воспринимаемым явлением. Юридическая реальность может быть только трехмерной, и всякие попытки теоретически принизить или возвысить какой-либо из трех элементов оказываются бесплодными. Комплексное же рассмотрение юридической реальности позволяет увидеть привычные вещи в ином свете.

Парадокс в том, что правоотношение существует в мышлении юриста, а мышление юриста существует в правоотношении.

Допуская мышление конститuentой юридического факта, наряду с нормой и социальной связью, мы теперь можем обнаружить то всегда ускользающее обстоятельство, что в юридическом мышлении первая и вторая конститuentы могут меняться местами. Иными словами, они могут заменять друг друга, тогда как само мышление, логически оформляющее отношение между ними, заменить ничем нельзя и подставить вместо одной из конститuent также невозможно без разрушения объективного механизма права. Это, в частности, следует из того, что нормы и социальные связи выступают предметами юридического познания (как в отдельности, так и в комплексе), над которыми мышление проводит свои манипуляции или преобразования одного в другое. Будучи предметами, на которые интенционально направлено мышление, конститuentы оказываются подчиненными элементами. При этом индекс подчиненного элемента может быть как активным, так и пассивным в зависимости от того, на какой из них в отдельности направлено мышление юриста. Отсюда получается, что если брать предметом познания в отдельности норму, она становится активным агентом мышления, трансформирующим пассивную социальную связь в правоотношение (старое), а само мышление следует аттестовать в качестве *правоприменительного мышления*. Если же взять предметом познания в отдельности социальную связь, она становится активным агентом мышления, трансформирующим пассивную норму также в правоотношение (новое), а само мышление здесь выступает в качестве *законодательного мышления (или научного)*. Если взять предметы в комплексе, то мышление будет нейтрализующей силой. Само по себе мышление также может быть предметом познания (рефлексирующего), однако никогда не будет предметом трансформации (преобразования), поскольку не является ни активной, ни пассивной силой, а нейтрализующей, вследствие чего не может быть само нейтрализовано (см. Рис.).

Теперь мы можем в виде наброска представить онтологию юридического мышления в виде схемы, основанной на достижениях науки и философии.

Для того чтобы понять способ мышления юриста и очертить его реальность, мы должны, прежде всего, отдавать себе отчет о структуре того, на что мы смотрим. Все социальные явления существуют в нашем видении в форме процесса, т.е. имеют динамический характер. Сложнее всего в этом процессе выявить структуру, но как только она обнаружена, процесс становится понятным и управляемым. Всякий процесс, явление, событие имеют, так сказать, три измерения и возникают из соединения трех сил. Где отсутствует тройственная природа события, происходит нечто нереальное. В любом феномене можно выделить то, *что происходит*, то, *с кем/чем это происходит*, и то, *как это происходит*, что соответствует понятиям функция, бытие и воля (мышление).

Процесс обладает функциональным аспектом и происходит циклически. Если функция не выглядит циклической, она либо нарушена, либо прервана, либо представляет собой звено в цикле большего масштаба, уловить ритм которого мы не в состоянии по причине ограниченности информационного поля своего сознания.

Бытие не является циклическим, а напротив, является материалом для преобразования или трансформации.

Волю и мышление в контексте наших рассуждений лучше всего рассматривать как зеркальную пару, ведь в поведении они практически не различимы, если только не подходить к вопросу теоретически и дифференцированно, беря за основу проявления и эффекты нашей психики. С точки зрения процесса делания чего-либо они не различимы, мышление становится техникой поведения, а техника поведения – мышлением. Поэтому в дальнейшем мы будем подразумевать эти понятия как взаимозаменяемые.

Говоря упрощенно, всегда есть то, что мы называем условиями, местом или обстоятельствами, то, что претерпевает трансформацию (преобразование), и то, что является причиной этой трансформации и потребляет ее продукт. В совокупности или комплексно это и будет схематичным ответом на вопрос, как нечто происходит или осуществляется.

Итак, что происходит? Предполагается, что происходит правоотношение, но его еще нет, а есть лишь гипотетическая возможность такого правоотношения, долженствующая быть в итоге в виде нормы. Сейчас можно только ответить на этот вопрос с абстрактной функциональной точки зрения на право в целом. В связи с чем можно сначала спросить: что делает право как социальный институт, какова его функция? Ответ будет таким: право превращает социальное взаимодействие в социальные роли, определяя статусы, положения людей и вещей. Таким образом, происходит преобразование бытия через изменение роли, положения, статуса взаимодействующих индивидов по поводу каких-либо материальных и духовных благ. Право не регулирует межличностные отношения в силу невозможности наблюдать в качестве факта психические состояния (грусть, тоска, восхищение и т.п., не выразившиеся во внешнем акте), оно регулирует лишь социальное взаимодействие, предполагающее взаимообуславливающие действия индивидов, когда поведение *A* является причиной поведения *B* и это можно констатировать. Роли у людей и вещей бывают разные, их множество. Соответственно, и правоотношения бывают разные. Но, возвращаясь к вопросу, что происходит, мы в данный момент можем только сказать: социальное взаимодействие, т.е. указать на тех, с кем это нечто происходит. Например, два индивида, двигаясь на транспортных средствах, совершили столкновение друг с другом. Налицо взаимодействие, породившее общественное отношение по разрешению ситуации, определению роли каждого и связанных с этим последствий. Но правоотношение еще не возникло, есть только социальная связь, ведь участники могут разойтись полюбовно, если ничьи права и законные интересы больше не нарушены либо если нет необходимости зафиксировать факт ДТП в качестве необходимого основания возникновения иного правоотношения, например по страховому возмещению и т.п. Но допустим, что есть спор и необходимость регистрации события происшествия. Тут взаимодействие превратилось в общественное отношение, однако пока не имеющее модуса правового. Вот и все, что можно сказать с фактической точки зрения. Есть взаимодействие, которое породило случайную связь между ними, т.е. общественное отношение и поведение одного стало причиной поведения другого. Это тупик в развитии их связи до тех пор, пока на место не придут представители дорожно-патрульной службы в качестве правоприменителя и не «сделают» это отношение правовым, что заключается в определении вины, наступлении или не наступлении страхового случая, привлечении к ответственности, протокольном закреплении события ДТП и т.п. технических действиях. Но почему они прибыли? Потому что это событие классифицировано правом априори как правоотношение, возникшее в административной сфере в связи с дорожно-транспортным происшествием. Иными словами, потому что модель этого отношения, или его конструкция, существует априори в гипотетической норме права и ждет своего осуществления. Итак, мы видим действие двух сил: социального взаимодействия, превратившегося в общественное отношение, как того, что подлежит преобразованию или трансформации в правовую сущность, и нормы права, привнесенной в это отношение в виде юридического знания представителями власти и являющейся причиной этой трансформации. Но трансформирование этого отношения в правоотношение (не позволившее ему развиваться по другому сценарию либо просто оборваться, не завершившись) было бы невозможно без юридического мышления и технической обработки фактического материала. Именно юридическое мышление, элементами которого обладают представители службы в области дорожно-транспортного права, позволило «оформить» общественное отношение, трансформировать его с помощью нормы в правоотношение, административным способом распределив роли и положения каждого индивида и связанных с ними вещей. Мы избрали пример из правоприменительной практики в качестве удобства. Однако в любом случае, даже при обычном «бесспорном» гражданском обороте, причиной трансформации служит объективно действительная норма, которая не может быть «наложена» на общественное отношение без привлечения юриста, обладающего понятийным аппаратом специально-технического мышления и способного квалифицировать относимость явления к предмету правового регулирования. В этом смысле весьма метким является замечание М. Шелера: «Где, с точки зрения права, субъектов воли связывает договор, там, с точки зрения познания, имеет место опосредствованное умозаключение» [13, с. 50].

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ; Астрель, 2010. 250 с.
2. Давыдова М. Л. Обучение юридической профессии в России и США: к вопросу об универсальных основаниях // Право и современные государства. 2012. № 3. С. 3-12.
3. Дудин А. П. Диалектика правоотношений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. 121 с.
4. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1902. 105 с.
5. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1958. 457 с.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 430 с.
7. Нерсисянц В. С. Право и закон // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 19-31.
8. Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 272 с.
9. Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009. 260 с.
10. Теория права и государства / отв. ред. Г. Н. Манов. М.: БЕК, 1996. 336 с.
11. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.
12. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов / пер. С. В. Лезевой, Ю. С. Пивоваровой. М., 1987. Вып. 1. 195 с.
13. Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.

REFLECTIONS ON LEGAL REALITY

Zykov Dmitrii Valer'evich
Volgograd State University
Zyk9@yandex.ru

The author, basing on the philosophy of logical atomism, undertakes an attempt to formulate the idea of legal reality universal scheme, which includes three elements: attitude – norm – thinking that claims to have a universal significance, an ontological, objective status; and substantiates that these elements relate to each other as an empirical object and semantic premise, arranged by the lawyer's constructive thinking into a complex phenomenon – a legal fact.

Key words and phrases: lawyer's cognition object; legal reality constituents; legal fact as complex phenomenon; public attitude as empirical object; norm as a priori semantic premise of attitude; lawyer's thinking as legal reality constituent.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается развитие консервативной идеи в России в XIX в. в связи с происходившими изменениями в экономической и социальной сферах жизни общества. На основе анализа позиций виднейших представителей российского консерватизма делается вывод о противоречии российского традиционалистского консерватизма с его ориентацией на самодержавие и православие западной модели модернизации.

Ключевые слова и фразы: консерватизм; славянофильство; Российская империя; традиционализм; православие.

Ивакин Григорий Анатольевич, к.и.н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ivakin@rane.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1840-1890 ГГ.)[©]**

Во второй четверти XIX века Россия вслед за ведущими европейскими державами вступила в новую стадию своего экономического развития, которую в современной историографии принято определять как «промышленный переворот» или «промышленная революция». Как известно промышленная революция в России носила острый и противоречивый характер, что было обусловлено многообразием социально-экономических укладов огромной по территориальным масштабам империи. Следует учитывать и тот немаловажный факт, что развитие нового капиталистического уклада в Российской империи сопровождалось процессом стремительного разложения отживших сословно-феодальных отношений, фактическим упразднением господствующего на тот момент в России класса помещиков-крепостников.

Модернизационные преобразования в экономике вступили в жесткое противоречие со сформировавшейся к этому времени парадигмой политического развития самодержавного российского государства. Общественно-политическая мысль, безусловно, не могла оставаться в стороне от осмысления происходящих в стране судьбоносных изменений. И как результат этой интеллектуально-духовной рефлексии вновь разгорелись горячие споры между сторонниками и противниками консервативной политической идеологии. Эта дискуссия,